

84(2Рос-Рус)6

Л158

СТНЫЙ ДЕНЬ

Дмитрий Мизгулин

ненастный день

Дмитрий Мизгулин

- 0139893 -

Государственная
библиотека
Югры

КО

часть I

НА ДАЛЬНИХ БЕРЕГАХ

Жизнь не просто прошла – пролетела.
Оглянуться б – да поезд умчал.
Лишь беззвёздная ночь онемела,
Да разбилась волна о причал.

Жизнь не просто прошла – а промчалась..
Заклубился туман над рекой,
И полуночи птица вскричала,
Захлебнувшись таёжной тоской.

Жизнь не просто прошла. Так не просто..
Мне, мальчишке, как будто вчера,
Так хотелось быстрее стать взрослым,
Так хотелось... И осень пришла.

Облетают последние листья,
Завтра грянет мороз поутру,
И рябины оранжевой кисти
Зазвенят на студёном ветру.

СТИХИ, НАПИСАННЫЕ В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

В суете, в круговерти,
В суматохе разлук
Я подумал о смерти
Неожиданно, вдруг.

И как будто очнулся –
И качнулся перрон,
И вокзал пошатнулся,
И отчалил вагон.

Я исчезну во мраке
Беспросветной ночи,
Не залают собаки,
И луна промолчит.

В мельтешенье столичном,
В ритмах сумрачных дня
Жизнь пойдёт, как обычно,
Разве что – без меня.

Но не сгинут – хоть тресни –
Хороши ли, плохи,
Непутёвые песни,
Путевые стихи.

Да, плутала дорога
В суете и грехах,
Только всё же – от Бога
Слово в наших стихах.

Он рассудит бесстрастно
Мир больной и большой.
Ведь унынье не властно
Над бессмертной душой.

Стремишься постичь мирозданье?
Скорбишь над народной судьбой?
Суббота. Натоплена баня,
Струится дымок над трубой.

Сегодня – я полный бездельник:
Привычно сижу на полке,
Пахучий берёзовый веник
Победно сжимая в руке.

Во власти туманного жара
Смиренное тело моё,
И мягким берёзовым паром
Струится моё бытие...

Эпохи восторженный зритель –
Спешу беззаветно поддать,
Не с этим ли жаром святитель
Однажды сравнил благодать?

От шума вдали и от гама
Вершу свой обряд, не спеша,
А завтра под сводами храма
Вот так же отгадет душа.

Этот вечер не тронут прогрессом.
Вдалеке от полуночных стран
Дым печной расстелился над лесом,
Заклубился над полем туман.

Что за участь дана человеку –
Вдалеке от вселенской тоски
Без печали к ушедшему веку
Память прошлого рвать на куски?

Кто мы, где мы, зачем и откуда,
Всё бежим и бежим в никуда,
Ожидая пощады и чуда,
Мы без боя сдаём города.

Жизнь прошла ради денег и славы,
Слишком поздно смотреть на часы.
Уронили высокие травы
Изумрудные капли росы.

В жизни всё идет по плану,
Поздно ляжешь. Встанешь рано.
В баню утром в выходной.
Телевизор. Гости. Дети.
Сорок лет на белом свете
Пролетели. Пронеслись.
Это – жизнь.

Дни летят неотвратимо.
Что-то в цель. А что-то – мимо.
Едем с ярмарки. Как будто
И не вечер. И не утро.
Лошадей неспешный бег –
Выпал снег.

В суете и круговерти
Чаще думаешь о смерти.
Утром чувствуешь усталость.
Сколько там ещё осталось?
По ночам тревожно спится.
Сердце. Печень. Поясница...
Едем дальше, не спеша,
А душа?

Смурная вьюга злится,
Мрачнеет небосвод,
Разлука наша длится
Уже который год.

Зима во всей округе –
Ни лета, ни весны,
Позаметали вьюги
Немые наши сны.

Но всё, что было с нами,
Пытаемся сберечь,
Соединяет память
Обрывки наших встреч,

Слова, события, взгляды,
Крик птицы, всплеск волны,
Движенье автострады,
Мерцание луны,

Смятенье разговоров,
Смешение примет,
В заснеженных просторах
Звезды высокий свет.

Не требуй доли лучшей,
Бреди сквозь непогоду,
Уж раз такую участь
Определил Господь,

И в этот хмурый вечер
Былые вспомни сны,
Моли о скорой встрече
В преддверии весны.

Жизнь уходит понемногу,
День прошёл – и Слава Богу,
Как вода в реке.
Наши чувства, наши думы
Словно след волны утрюмой
На речном песке.

Грузим душу чем попало.
Очерствела и устала
Бедная душа.
Может быть, остановиться,
Осмотреться, помолиться
Тихо, не спеша?..

Молим Бога об удаче.
О достатке. А иначе
Что ещё просить?
А душа? Душа в сомненье,
Ведь пора бы о спасенье
Слёзно голосить!

С Богом и легко, и просто!
Лодка. Церковь у погоста.
Тёмная река.
Чайки кружат над водою,
И с тревогою немую
Мчатся облака.

Мир ночной погрузился во мрак,
Дождь по крышам неистово лупит,
Ветер воет за окнами так,
Словно утро уже не наступит.

Слишком поздно настала весна,
Бестолково кончается лето,
Ни надежды, ни света, ни сна,
Ни малейшего в небе просвета.

Утомлённые таинством тьмы,
Ждём с тревогой грядущих возмездий,
Хорошо бы дожить до зимы –
До снегов, до промёрзших созвездий.

Успокоятся мысли и сны
Под сиянием снежной луны.

Похоже, слишком много знаю,
Но в ожиданье долгих зим
Особенно не выступаю,
Сообразуясь с веком сим.

Пройдут забвение и слава,
И что останется от нас?
Правдивым можно быть и правым,
Не выставляясь напоказ.

Другие дни. Другие даты.
Иная Родина и речь.
Но в ожидании расплаты
Суметь бы душу уберечь.

Критиковать и обличать –
Зачем? И то – живём неплохо.
Теперь в умении молчать
Угадывается эпоха.

Пусть мы давно попали в плен
Своих несбывшихся мечтаний,
Несокрушимых правил тлен
Заменит истину исканий.

Огнём беспамятства горим,
Над бедами чужими плачем,
Всё говорим и говорим,
А думаем – совсем иначе.

Теперь и я, как все, – молчу.
Пусть тяжела моя дорога,
Молитвы заново учу
И об одном прошу у Бога,

Чтоб в нас, когда настигнет мгла,
Душа ослепнуть не смогла.

Хватало и зрелищ, и хлеба,
И счастье – полной рекой.
Всё было прекрасно – до неба
Уже доставали рукой.

А вспомнишь – пилось, как и пелось
В счастливые эти года...
Скажи мне, куда это делось?
Исчезло однажды – куда?

Мы жили, не зная молитвы,
Без Бога построили храм,
И всё уступили без битвы,
Доверившись лживым волхвам.

Мы глухи, мы слепы, мы немы.
И разум болеет и плоть.
Не помним уж, кто мы и где мы,
Но нас не оставил Господь!

Услыша слова покаянья,
Простит нам бывшие деянья.
Услышит молитвы – и разом
Вернёт нам и силу и разум.

ПТИЧЬИ ПРАВА

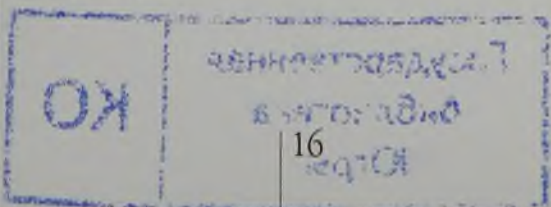
Не имею, как маленький птах,
Ничего – только небо да ветер.
Я живу здесь на птичьих правах,
Улечу – и никто не заметит.

Самолёты летят высоко,
Неизбежно надёжны турбины,
Бороздить им привычно легко
Высоты голубые глубины.

А меня – не встречают. Не ждут.
Нет надежды – но нет и сомненья,
Не имеет значенья маршрут,
И отсутствует пункт назначенья.

Как мне дороги эти права.
Пусть они называются птичьи,
Я лечу – и небес синева
Кружит голову вечным величьем.

А когда я однажды умру,
То душа рассмеётся на воле,
Где печалью звенит поутиру
Васильковое звёздное поле.

Ночь темна. И дождик блёклый
Занавесил фонари,
Молибденовые стёкла
Не пропустят луч зари.

Окна гаснут постепенно.
Вступит ночь в свои права,
От заката до рассвета
Потускнеет синева,

Чёрно-жёлтое пространство,
Голубые купола.
И от чтенья, как от пьянства,
Разболелась голова.

Мы давно про всё забыли,
И давно не ждём гостей,
Наглотавшись снежной пыли,
Беспросветных новостей.
Нет надежды. Нет просвета.
Говорят – не будет лета.
Да и то – опять дожди,
Словом – счастья не жди.

Нам на это наплевать.
Выпьем водки – и в кровать.
Будем спать. И видеть сны
О Величии стр...

- 01397893 -

Государственная
библиотека
Югры

КО

Выпил рюмку. Покушал
На закуску груздей.
С аппетитом послушал
Речи мудрых вождей.

Так легко и понятно
Объяснили они,
Отчего, вероятно,
Ждут нас светлые дни.

Я поверил бы в это –
Кто ж не хочет пожить?
Но врачи мне до лета
Приказали не пить.

Разве рюмку. И только...
Трезв весь день напролёт.
Я не верю нисколько
В то, что счастье придёт.

Быт затягивает не спеша...
Незаметно по дням убывая,
Остывая, тускнеет душа,
О небесном впотьмах забывая.

Как сквозь толщу февральского льда
Солнца луч никогда не согреет,
Так душа, как речная вода,
Замедляя свой ход, леденеет.

И кончина близка. Но очнись –
Растопи ледяные плотины,
Распахнётся небесная высь,
Пробудятся речные глубины,

И душа воспарит налегке,
И звезда отразится в реке.

Весна. И снова – ледоход.
Апрель надеждой тешит,
Но с нами вновь идут в поход
И домово́й, и леший...

Не досмотрели зимних снов,
Очнуться не успели,
Как стаи новых колдунов
Со свистом налетели.

Куда волхвы нас завели,
Теперь поймём едва ли,
Но, оторвавшись от земли,
Мы силу потеряли.

И, захлебнувшийся тоской
Заморского дурмана,
Безмолвно тает род людской
Во мгле телеэкрана.

В колонну строит новый век,
Аршином общим мера.
Отринет Бога человек
И превратится в зверя.

Плывут вдоль берега реки
Расколотые льдины.
Пути Господни нелегки
И неисповедимы.

Весны долгожданный приход –
Природы нежданная милость.
Едва миновал ледоход,
А вот уж листва распустилась.

Промыт изумрудный кедрач
Звенящими ливнями мая,
Над мокрыми крышами дач
Потянется первая стая.

В отмеренный Господом срок
Душа встрепенётся несмело –
Как этот зелёный листок,
Как ветка черёмухи белой.

И радость охватит меня.
И что мне все ахи и охи –
Тревоги минувшего дня,
Сомненья грядущей эпохи,

Печали ушли навсегда.
Иду молодой и счастливый –
Какая большая вода,
Какие высокие ивы.

Плывут, не спеша, облака,
И в небо впадает река.

Я весело и ново
На жизнь посмотрю,
Из щепочки сосновой
Кораблик смастерю.

Пуцу его по водам
Стремительной реки,
Лети, мой милый, с Богом
От бед и от тоски.

Лети, гонимый ветром,
В далёкие края,
Где от пустых наветов
Свободна жизнь моя.

Пусть щепочкой сосновой
По волнам бытия
К неведомому морю
Летит душа моя.

Развеются напасти,
Исчезнут грусть и страх,
Ни зависти, ни страсти
На дальних берегах.

И я опять – в начале.
Куда ни бросишь взор:
Неведомые дали,
Неистовый простор!

И солнце ярко светит,
И синь слепит глаза,
И осторожно ветер
Колелет паруса...

Растаял туман над излучкой
Осенней тяжёлой реки,
Живу не любовью – разлукой,
Чьи вечные воды легки.

Стараюсь по жизни – хоть малость
Минувшего счастья сбережь,
Недолгих прощаний усталость
И радость нечаянных встреч.

На лёгкой волне у причала
Мороза стальная печать.
И так хорошо, что сначала
Уже ничего не начать.

Куда бы жизнь нас дальше ни вела,
Доказываем те же теоремы –
Кого-то ждут великие дела,
А остальных – великие проблемы.

Ну, чем не угодил нам отчий дом?
Но вновь простые истины отринув,
До основанья рушим. А потом –
Закончим жизнь в дымящихся руинах.

И мы уже – толпою у дверей –
На выходе. В конце последних сроков.
Дай Бог простить слепых поводырей,
Дай Бог простить глухонемых пророков!

Дай Бог прозреть. Хотя бы и тогда,
Когда душа уже не отзовётся,
В тот миг, когда забвения вода
Над головой стремительно сомкнётся.

В порыве страсти окаянной
Мы сокрушили русский дом.
Эпоха будет безымянной,
Ну а беспамятной – потом.

Мы научились поклоняться
Животной страсти естества,
И будет радостно смеяться
Иван, не помнящий родства.

И крик последнего урода
Полночный ветер вдаль умчит,
А равнодушная природа
В ответ, как прежде, промолчит.

Не пряча голову, как страус,
Гоню пустых познаний страсть –
Уверен – миром правит хаос,
А не мифическая власть.

Пусть кто-то, сидя на престоле,
Забыв о Боге, чтит закон,
Но свищет ветер в чистом поле,
Взметая пыль былых времён.

Покуда не настали сроки,
Молчит Всемиловитый Бог,
И рано, видимо, пророки
Подводят всем и вся итог.

Земля качнётся, и лихие
Наступят дни, и грянет час –
И равнодушная стихия
В единый миг поглотит нас.

Застынут воды – тишь да гладь,
И будет Божья благодать,
И будет на волнах неметь
Луны торжественная медь.

В потоке мутном бытия,
Во мгле полуденной мороки
Не унывай, душа моя,
Покуда не настали сроки.

Во всём, Господь, рука Твоя.
Напрасно не ищи забвенья.
Не унывай, душа моя,
В путях спасенья.

Лети, сомнений не тая,
Уняв напрасную тревогу,
Не забывай, душа моя,
Молиться Богу.

Синица, беспечно порхая,
Присядет на миг у окна –
Хорошая весть ли, плохая –
А всё-таки свыше дана.

Не верю в приметы, но все же
Несу суеверий печать.
Даруй мне терпение, Боже,
Всё с радостью воспринимать.

И что бы с тобой ни случилось,
Напрасно судьбу не кляни,
Приемли как высшую милость
И эти ненастные дни.

А зима – неожиданно, вдруг!
Закружив, налетели метели,
Упорхнула синица из рук,
И на юг журавли улетели.

Одиноко и тихо в ночи,
И не плачется мне, и не пьётся,
Лишь огонь неуёмный в печи
Пылко пляшет и глухо смеётся.

Станет весело мне и тепло,
Всё же зиму встречаю в берлоге,
Вот и с дымом печным унесло
Все печали мои и тревоги.

Грех унынья оставь навсегда,
И удача к тебе повернётся.
И синица родная тогда
Из-за синего моря вернётся.

С ЯРМАРКИ

Еду с ярмарки домой.
Утро. Иней серебрится.
След, оставленный луной,
В небе сумрачном дымится.

Скоро утро. А пока
Спит небесное светило.
Кучевые облака
Надо мной плывут уныло.

Скоро в гулкой тишине
Звёзд ночных растают льдинки,
В предрассветной тишине
Слышно, как звенят снежинки,

На ладонях тают и
Каплей падают на травы.
Две глубоких колеи.
Буераки да канавы,

Избы. Церковь без креста.
Ожиданье зимней стужи,
Голь да удаль. Нищета.
Всё, как прежде, – даже хуже.

Хищно щерится овраг,
Здесь не встретишь человека,
Здесь – ни кошек, ни собак,
Вот и все итоги века.

До листка обобран лес,
Вороньё – и то пропало.
Вот и всё, и весь прогресс –
Все концы и все начала.

Едем молча. Не спеша.
Мимо были. Мимо сказки.
И тревожится душа
В ожидании развязки.

ДОЖДИ

I

Одолели ироды, иуды,
Обложили с ног до головы.
Взять бы да уехать на Бермуды –
Всё одно – подальше от Москвы.

Всё одно – подальше от столицы.
От измен. От пьянства. От страстей.
От кувшинных рыл Замоскворечья,
От вранья тускнеющих вождей.

И терпеть уродов нету мочи,
Закружили в гнусном вираже,
Довели до ручки – даже в Сочи
Мне теперь не хочется уже.

Да и то сказать – и там дождливо.
Весь сентябрь промозглый от дождей,
Отчего же стало так тоскливо
На бескрайней Родине моей?

В этом вихре сумрачном и пошлом
Красота давно сошла на «нет»,
Радости – ни в будущем, ни в прошлом,
Да и там ли ищем мы ответ?

Всё у нас едино – быль и небыль.
Не хотели. Да и не смогли..
Что теперь? Куда теперь до неба?
Не слететь бы с матушки Земли.

II

Непогода. Во всём – непогода.
Во вселенной. В пространстве квартир.
Непомерно устала природа
От людей, населяющих мир.

Может, в эту последнюю осень
Хочет мирно планета пожить,
Человечество – если не сбросить, –
То хотя б на обочину смыть.

Беда не в дураках и не в дорогах,
А в том, что, потеряв свой путь в глуши,
Мы с покаяньем не взыскуем к Богу,
Не веруем в бессмертие души.

То плачем, то смеемся без причины,
Не ведаем ни правил, ни основ,
И гнемся, как осенние осины,
Под сумрачным стенанием ветров.

Не разбирая глупости и вздора,
Завидуя судьбе заморских стран,
Мы превозносим то глупца, то вора,
Устало вперив взор в телеэкран.

А он горит голубоватым светом
И, кажется, едва чадит при этом.

Мы стали с тобой далеки,
А жизнь убывает незримо,
Как воды осенней реки,
Неспешно, неотвратимо.

Растает в морозной тиши
Октябрьский сумрак ненастья,
Но вечная память души
Хранит впечатления счастья.

И пусть в немоте тишины
Приблизится сумрак развязки –
Становятся вещими сны
И былью – забытые сказки.

Меж нами – времён непогодь,
И ветер, и воды, и льдины,
Но души однажды Господь
Навек сочетал воедино.

А значит – ни страх, ни беда,
Ни боль, ни любовь, ни могила,
Никто, ни за что, никогда
Вовек разлучить нас не в силах.

Весна. Раскисшие дороги.
Чернеет снег. Мутнеет даль.
Мои привычные тревоги
Вернул оттаявший февраль.

Привычно сердце разболелось,
И раздражает птичий гам,
И вдруг внезапно захотелось
На время оказаться там,

Где откружившие метели
К утру сугробы намели,
Где спят рождественские ели,
Склоняя ветви до земли.

Весна. Смешение погод;
То дождь, то снегопад,
А я уже который год
Весне совсем не рад.

Природа, радостно смеясь,
Вершит привычный бег.
Меня же раздражает грязь
И чёрно-серый снег.

Смятенье чувств. Смешенье дум.
Тревожится душа.
И пусть листвы зелёный шум
Обрушится, спеша.

Но это – завтра. А пока
Апрель не тронул льды,
Молчат крутые берега
В предчувствии беды.

В эпоху лжи и суеты,
В преддверии упадка
Не потерять бы простоты
Как главного достатка.

Иду, сбивая сердце в кровь,
Судьбы не проклиная,
Но счастлив, что нашёл любовь,
А не ключи от рая.

Хвала пророку и вождю!
Внемлю журчанью речи,
Но больше радуюсь дождю,
Летящему навстречу.

Смеюсь и плачу невпопад,
Когда введёт в смятенье
То мимолётный женский взгляд,
То яблони цветенье.

Богатство, слава – всё тщета,
Коль смерть всему итогом.
Согреет душу простота,
Дарованная Богом.

Реклама,

Реклама.

Реклама.

А между – для чутких сердец –
Бразильская слёзная драма,
И триллер. И модный певец.

И новости. Скромно и мило
Ведущая зыркнет – и вот:
Дебаты столичных дебилов
Затянут нас в водоворот.

То съезды, то думы, то Ельцин.
То бред, то словесный понос,
Извилины стали, как рельсы.
Вперёд полетел паровоз.

Мы снова счастливыми стали,
А жизнь и светла, и легка,
И манит нас в светлые дали
Призывное пенье гудка.

Я поздней осенью дышу.
В морозной дымке вечер.
Буксиры вниз по Иртышу
Плетут Оби навстречу.

Они вершат привычный путь
К последнему причалу,
Чтобы немного отдохнуть –
И вновь начать сначала.

В круговороте суеты
Понятная дорога,
Пусть невысок полёт мечты,
Но не судите строго.

Дым за клубился над трубой,
Флаг реет над кормою...
Доволен будь своей судьбой,
Работой и страной.

Не суетись, не мельтеши,
И, огибая мели,
Тащи бесценный груз души
К одной заветной цели.

О светлом будущем мечтай,
Но только ненароком,
Спаси Господь – не опоздай
К отмеренным нам срокам,

Когда закружится пурга
И почернеют травы,
Когда тяжёлая шуга
Замрёт под ледоставом.

Пишу, пишу – а толку?
Заклятье над страной.
Даётся легче волку
Общение с луной.

Какая тишь в округе,
Струится лунный свет,
И недруги, и други
Давно сошли на нет.

Шумят морские воды,
Пространства сумрак сжат,
И тени пароходов
У пристаней дрожат.

Ржавеют кипарисы,
Мелеет водоём,
Давно сбежали крысы,
А мы еще плывём.

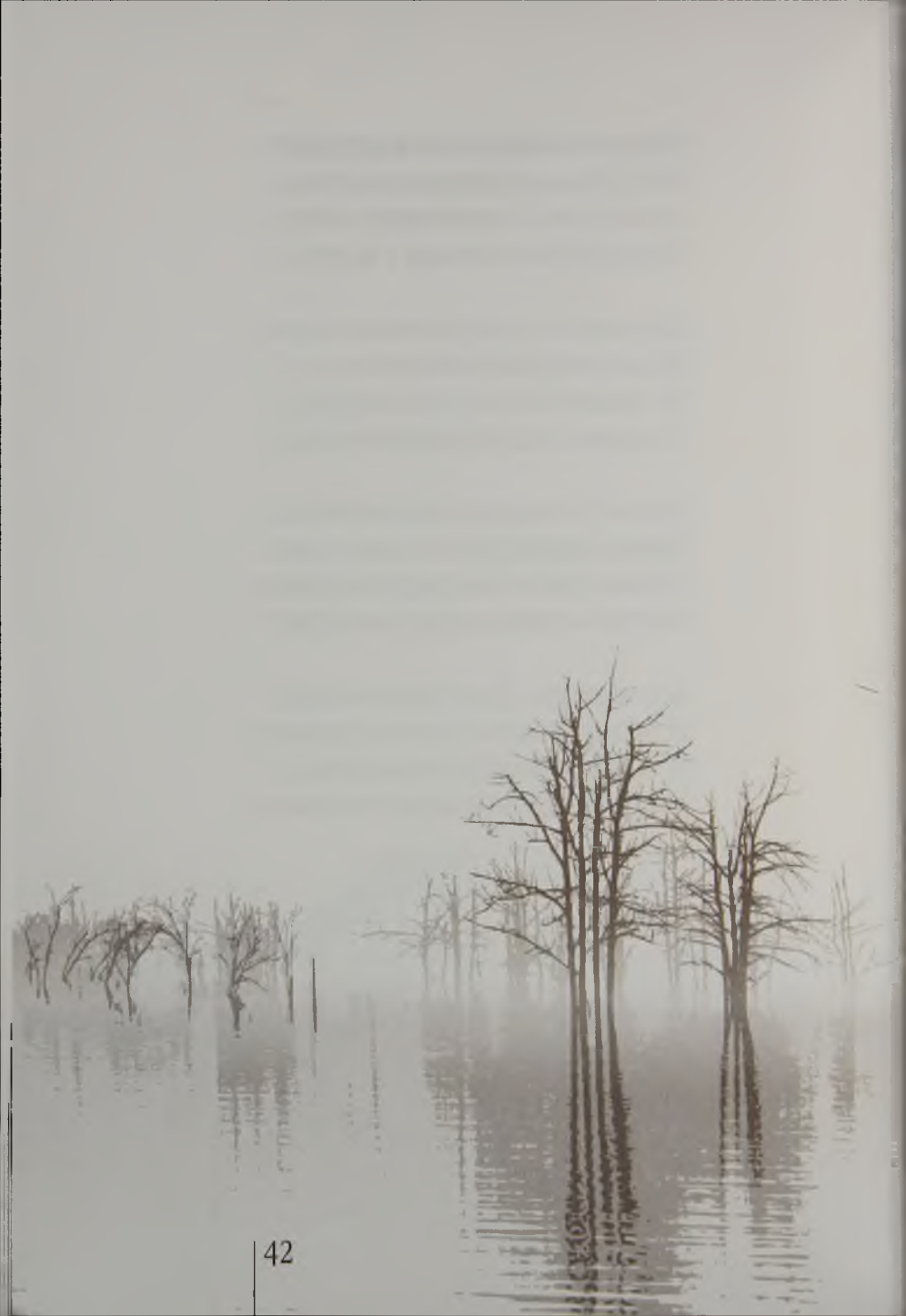
Избавленный от мелочных забот,
Он пребывал в безволии и неге.
Стоял июль. А он мечтал о снеге
И о сутробах вьюжных у ворот.

Под сенью сосен плавилась жара.
Густели небеса остекленело.
Он жарко баню истопил с утра
И парился, покуда не стемнело.

Уголья тускло плавилась в печи,
Томясь, как переполненные соты.
И было слышно в сумрачной ночи,
Как пролетают в небе самолёты.

Все тише гул. И вот пропал уже,
И лишь сомненье смутное осталось,
И так спокойно было на душе,
Как будто жизнь ещё не начиналась.

часть II

**И СЛЫШНО МНЕ
ДВИЖЕНИЕ
РЕКИ...**

Мы обрели космическую славу,
Узрели Марс. Слетали на Луну.
Но начисто забыли про державу,
Осиротели, потеряв страну.

Мы шли вперёд – на Альпы и на Анды,
Дарили счастье людям всей земли,
Но вот уже басмаческие банды
Границы наши молча перешли.

Вновь укрепляем средь народов братство
И гордо восседаем на пирах,
А наше несусветное богатство
Гниёт в заокеанских закромах.

Наш газ охотно пользует планета,
Мы снова в центре мировых судеб,
А сами кое-где сидим без света,
И денег – только на насущный хлеб.

У нас в мозгах – то карнавал, то – саммит,
Не ведаем – где друг, где лютый враг..
Пусть виноват весь мир,
Но мы-то сами,
Но мы-то с вами – люди или как?

Живём по человеческим законам
И Богу, и природе вопреки.
На исповедь приходим с телефоном,
Просматривая срочные звонки.

Наш путь лежит во тьме, по бездорожью.
Бредём на ощупь. Судим невпопад.
Душа закрыта перед Словом Божьим,
Но – Слава Богу – стали чтить обряд.

И вещей слов пока не понимая,
Перебирая чётки не спеша,
Словам молитв неведомым внимая,
Отгаивает сонная душа.

НОВЫЙ ГОД НА ДАЧЕ

Январь. Зима на белом свете.
Давно убрали со стола.
Унёс во мрак колючий ветер
Мои сомненья и дела.

В минуты редкие досуга
Топлю камин и пью коньяк,
А за окном январским вьюга
Не успокоится никак.

Собака лает. Мерзнут звёзды.
Немая ночь и тут, и там.
Сосед приедет в гости поздно
И сразу выпьет двести грамм.

Огонь шумит легко и споро.
То заурчит, то заворчит.
Предпочитаем разговорам
Молчание в глухой ночи.

Зачем слова? И так все ясно.
Тепло. Светло. И жизнь прекрасна.
Но жаль, что очень коротка,
Как эта рюмка коньяка.

ВЫБОРЫ

Праздник, площадь, балаганы,
Водка, грязные стаканы
И дешёвые закуски –
Человек гуляет русский.
Человеку много ль надо?
Песни, танцы до упада,
Девки, драки, матюги –
Вот такие пироги..
Ну, какой он безобразник,
Хулиган?
Сегодня – праздник!
Радость нынче для народа,
И – да здравствует свобода!
Море водки. Море пива.
Человек мычит счастливо,
К выбору без лишних слов
Он теперь почти готов,
Знает он, едрёна мать,
За кого голосовать!

Заветное счастье украли,
Оставив чужую вину,
Наверное, мы проиграли
На первом этапе войну.

Застолие было обильно,
А нынче дошли до сумы.
Уже затуманились сильно
Смятенные наши умы.

Укрыться куда бы от беса,
От новых неведомых пут,
Но орды стального прогресса
Армадою танковой прут.

Без страха, без злости, без воли
Сдаём города не спеша,
Уходит в глухое подполье,
Со злом не смирившись, душа.

Услышана будет молитва,
Господь не отмеривал срок,
Ещё не окончена битва
И непредсказуем итог.

В разноголосии племён
Наш голос – глуше, тише.
Боюсь, уже не будет он
Потомками услышан.

Во мраке скорбный путь верша,
Не узнаём друг друга,
И воля, разум и душа –
Как лебедь, рак и щука.

Молись, в преддверии конца,
Чтобы явилась милость –
Чтоб по велению Творца
Всё вновь соединилось.

ЦАРСКАЯ ОХОТА

Так ведётся исстари –
Есть цари, а есть псаря.

Не спеша и деловито
На охоту едет свита.

Только царь взмахнёт платочком –
Псарь уже летит по кочкам.

Гул, стрельба, собачий лай –
Берегись! Не отставай!

В чисто поле, с косогора
Катится со свистом свора...

Скоро посвист стихнул звонкий –
Царь же между тем – сторонкой...

Все оставили его,
Не случилось бы чего?

Охрани, Господь, царя,
Осади, прошу, псаря.

Уверовали в мифы
И в сказки без затей,
Но выросли тарифы
И стал народ бедней.

Уверовали в чудо
И в нового царя,
Но только ест Иуда
Хозяйский хлеб не зря.

Хлебнули мы без меры
Вселенскую печаль,
Но только жить без веры
Получится едва ль.

Не вымолим прощенья,
Отринем свет небес –
И новым поколениям
Закружит разум бес.

Бредём по бездорожью
Сквозь мглу и непогодь.
Спаси нас, Матерь Божья,
Помилуй нас, Господь...

МЕТРО

Спускаюсь в подземное чрево,
Где в царстве полночных огней
Направо поедешь – налево,
Но цели достигнешь своей.

Маршрут твоей жизни спрямился,
Бетонные стены вокруг.
Куда б ты теперь ни стремился –
Все будет по плану. Не вдруг.

Огней бесконечные чётки
Считает, сбиваясь, душа,
По линиям строгим и чётким
Маршрут бесконечный верша.

А может быть, к лучшему это?
Ни неба не надо, ни света.
Победно гудят поезда,
И солнце не слепит глаза.

МОЯ УДАЧА

Моя удача

Не проживает в элитном доме,
Не разъезжает на автомобиле последней модели,
Не носит дорогих костюмов,
Не восседает в почётных президиумах,
Не курит роскошных сигар,
Не пьёт эксклюзивных коньяков...

Моя удача

Ходит в городскую баню по субботам,
Пьёт пиво с бывшими одноклассниками,
Читает стихи студенткам
И улыбается продавщицам цветов.

Моя удача

Не интересуется учётной ставкой и курсом валют
И ходит по воскресеньям в церковь,
Только вот всё реже и реже видится со мной –
У неё ведь есть дела поважнее.

Целый месяц водку пил,
Потому и не заметил,
Что зима на белом свете,
Просто выбился из сил...
Впрочем – так и раньше жил.

Каждый день – туда-сюда,
Всё проблемы да заботы,
Вот и вся моя работа,
Словом – радости труда...
Впрочем – это не беда.

Редко видимся с тобой,
А куда как чаще – с ними –
С теми, с этими, с другими
На неделе. В выходной...
Как же там тебе одной?

Утро. Снега кутерьма.
Отдохнул – пора в дорогу.
Жив пока – и слава Богу,
Слава Богу, что зима...
Ну а ты пришла сама.
На душе – белым-бело
Сколько снегу намело...

Преображением живёт
Природа круглый год.
Во всём – движение вперёд,
Везде – круговорот.

Ещё вчера мела метель,
Плыла во мгле луна,
А нынче – звонкая капель,
А нынче вот – весна.

Рассветный луч рассеет мрак,
Растопит толщу льда...
А если человек – дурак,
То это – навсегда.

Перестройка. Перековка.
Как бы переподготовка
К лучшей жизни или на...
Думали, что передышка,
А на самом деле – крышка,
Амба. Кончилась страна.

Перестройка. Перестрелка.
Кабы знать, что море мелко,
Что измена так легка?
Ожидали лучшей жизни,
А теперь молчим на тризне,
Чарка праздная горька...

Перестройка. Перекличка.
Крепнет власть. Шуршит наличка.
Каменеет страх.
Строим храмы. А до Бога
Далека ещё дорога –
Тает в облаках.

Планы партии – планы народа,
Неизбежно победный маршрут.
Равнодушно взирает природа
На немой человеческий труд.

Вроде к свету вела нас дорога,
Всё одно – заблудились впотьмах.
Всё, что нагородили без Бога,
Неизбежно развеется в прах.

Не совета прошу, не ответа,
Всё как нужно, устроит Господь,
Только после весёлого лета
Неизбежно грядёт непогодь.

И безмолвные лягут снега,
И закружит забвенья пурга.

МАРОККАНСКИЕ МОТИВЫ

Н. Добринову

Какая всё-таки морока –
Таскаться по степям Марокко!
В пустыне и по склонам гор.
Устал я. В суете дорожной
Гудит призывно и тревожно
«Тойоты» пламенный мотор.

Навстречу – пальмы, козы, лица,
И некогда остановиться,
Летя по розовой стране.
Друзья поют! Друзья в восторге!
А я, как бедный Рихард Зорге,
В чужой японской стороне.

По вечерам поют берберы.
Самозабвенно, без фанеры,
На сотни разных голосов.
А рядом – местные собаки –
Они проворней, чем макаки,
Наглей, чем сто хантейских псов.

А может, так оно и надо?
Всю жизнь скитаться до упада,
Лететь сквозь горы и пески,
Чтобы потом в столице милой,
Взирая на родные рыла,
Не сдохнуть от тупой тоски?

Меня продует ветер странствий,
В тумане розовом пространство.
Ужели я обрёл покой?
И станет мне легко и странно,
И поплыву во мгле тумана,
Песок глотая золотой.

Дворцов заоблачные своды...
Прохладного фонтана воды...
Я выпью тихо вискаря...
И поплывут изгибы линий –
Охристо-жёлтый, красный, синий,
А всё же день прошёл не зря...

Дрожит в тумане цвета беж
Самозабвенный Марракеш!

Вагончики. Сарайчики. Балки.
Избушки кособокие. Бараки.
Мы были от Европы далеки,
А завтра будет хуже, чем в Ираке.

Мы миру продаём и нефть, и газ,
А сами кое-где сидим без света.
Ну кто, скажи, подумает о нас,
И от кого мы нынче ждём ответа?

Лежат снега. И в царствии тайги
Наступит утром тишина такая,
Что слышно мне движение реки,
Что подо льдом течёт, изнемогая.

В царстве срама и хама
Ни любви, ни стыда,
Жили раньше без храма
И теперь – не беда.

Осеньялась дорога
Не крестом – кумачом...
Жили раньше без Бога
И теперь – ни при чём.

Всё в расход – без разбора
Разболтались умы,
Не останется скоро
Ни тюрьмы, ни сумы.

Ни любви, ни разлуки,
Но печалится бес –
Слишком коротки руки –
Не достать до небес.

В горних высях струится
Ослепительный свет,
Через эту границу
Никому хода нет.

Живём в виртуальном пространстве.
Газета. Компьютер. ТэВэ.
И ветер познаний и странствий
Давно не шумит в голове.

Живём в ограниченном мире,
Неиствух и мельгеша,
И в тесной и тихой квартире
Твоя обитает душа...

А ей бы – а ей бы в дорогу,
И – к небу,
И – к звёздам,
И – к Богу!

Либо навзничь. Либо вскачь.
Мы ни в чём не знали меры,
Не сложилась жизнь – хоть плачь.
Пролетели, как фанеры,
Над Парижем в облаках.
Где обещанные кущи?
Левой водкой глушим страх
Перед сумрачным грядущим.
Проглядели все глаза
В ожиданье лучшей доли...
Уплывает в небеса
Незасеянное поле...

У власти всегда на примете
Творцы, и в своей правоте
Сегодня обласканы эти,
А завтра получают и те.

Наполнились с верхом кормушки,
И можно откинуться всласть,
А после – играйте в игрушки –
Ругайте любимую власть.

В погоне за лучшим итогом
Забудутся эти и те,
Но всё, что даровано Богом,
Не может служить суете.

По жизни бредёшь воровато,
Усердно считая гроши,
Но не ощутишь, как когда-то,
Неистовый трепет души.

Компьютер пишет музыку, слова.
Компьютер также складно в рифму сложит.
Пусть не болит душа и голова,
Так быстро человек навряд ли сможет.
А мне даётся Слово тяжело.
Раздумие, сомнения, тревога...
Давно бы бросил это ремесло,
Когда б не верил, что оно от Бога.

Пиши, пиши, писатель,
Покуда хватит сил,
Уж раз тебя Создатель
Талантом наградил.

Всегда и всюду – лишний,
Но не переживай,
Уж раз тебе Всевышний
Открыл грядущий рай.

Вдыхая сумрак скверны,
Беги пустых похвал,
Покуда Милосердный
К ответу не призвал.

В лучах коварной славы,
В круговороте дел
Молись, чтобы лукавый
Тебя не одолел.

Бесовских игрищ зритель,
Не забывай Христа,
Уж раз тебе Спаситель
Слова вложил в уста.

Зачем, скажи, нудя и мучась,
Опять меняя лик страны,
Мы требуем иную участь,
Иную жизнь, иные сны?..

Зачем опять, подобно нищим,
Стоим с протянутой рукой,
Чего, скажи, мы снова ищем,
Надеясь обрести покой?..

Весь век в лакейской у Европы,
Понуря голову, стоим,
Но нынче, видно, и в холопы
Навряд ли с ходу угодим.

Там пошустрей народец южный,
Порасторопней, понаглей.
А нам заказан труд натужный
Во тьме заснеженных полей.

Опять не взяли. Слава Богу!
Давай, голубчик, запрягай,
И вновь проверенной дорогой
Спеши обратно в русский рай,

Где душу продувает ветер,
Где мрак и слёзы без конца,
В дом, где молитву шепчут дети
За возвращение отца.

По тем адресам, где когда-то я жил,
Беспамятства ветер позёмку вскружил.
Всё спугалось – лица и даты.
Осталась лишь горечь утраты...

В тумане забвенья плывут города,
В которые я не вернусь никогда,
Но нет сожаленья и муки
От этой последней разлуки...

Но всё же стараюсь в душе сохранить
Мгновений былых путеводную нить
Меж нынешним днём и прошедшим,
Хоть и не скорблю об ушедшем.

Покуда ещё не закончен мой путь,
Я в будущее не спешу заглянуть,
Куда бы ни вышла дорога –
Во всём полагаюсь на Бога.

часть III

И ЗАЖЖЁТСЯ
ЗВЕЗДА
ВИФЛЕЕМСКАЯ

Смирил Господь. Болею,
Лежу. Лекарства пью.
О прошлом не жалею,
Времён не тороплю.

Застыл замысловатый
Рисунок на стекле.
И дым печей косматый
Клубится в стылой мгле.

Последние морозы
Мои сковали сны,
Притихшие берёзы
Привычно ждут весны.

В преддверьи нашей встречи
Метель смирит разбег,
И выпадет под вечер
Почти весенний снег.

БЕССОННИЦА

Закончен день. Закончен век,
И воцарилась тьма.
С небес струится мягко снег
На сонные дома.

Какой покой и тишина.
Колеблет ветер хмарь,
Мерцает тусклая луна,
Как городской фонарь.

Не спится. В мареве ночном
Бессонницы туман,
И сон, и явь в дыму печном
Закружит свой обман.

Промчится вихрем перемен
Похмельный хоровод,
Опустошат ветра измен
Высокий небосвод.

Из бытия в небытие,
Взорвав последний мост,
Летит сознание моё
Среди погасших звёзд.

Как смеялось и пелось
У беды на краю!
Побыстрее хотелось
Оказаться в раю.

Приводили примеры,
Подводили итог,
И без Бога и Веры
Громоздили чертог.

Пролетели мессии –
Ни покрышки, ни дна,
На просторах России
Замерла тишина.

Совесть глуше и тише,
И не видно ни зги –
Затуманились души,
Заржавели мозги...

Но мальчишка со свечкой
У иконы стоит,
Пусть пылает сердечко
И зовет, и болит.

Не окончена битва,
И не дрогнет рука,
Только этой молитвой
Мы и живы пока.

Делили хлеб, делили кров,
Дарили дружбу, а не милость.
А нынче – горе, слёзы, кровь –
Ну почему так получилось?

Границы новые черти –
Не трудно начинать сначала.
Легки беспамятства пути –
Скажи, чего нам не хватало?

Во мраке нас вела любовь,
Душа печалилась, но – пела,
А нынче только дым да кровь –
Раздор последнего раздела.

Деля наследственный удел,
Сожгли мосты, смели дороги,
И в суматохе праздных дел
Забыли о душе и Боге.

Но скорбный подводить итог
Уже не нам – а нашим детям,
Молись, чтоб милосердный Бог
Их сохранил на белом свете.

Не зарекайся никогда –
Нежданною придёт беда,
Негаданно наступит срок
И время выполнять зарок.
И будет бесконечна ночь,
И ты не сможешь превозмочь
Слепого разума испуг,
И станешь беззащитен вдруг,
В сомненье скорбном дрогнет дух,
И дважды прокричит петух.

Мы видели чужие сны –
Свобода, равенство и братство...
А непутёвые сыны
Пропили Родины богатства.

Забрали нефть, забрали лес,
Ушли с насмешкою и злобой...
А синь бескрайняя небес –
Её-то отбери, попробуй!

Какая даль вокруг видна!
И нету ей конца и края –
Речная катится волна,
На солнце утреннем играя.

Запели птичьи голоса,
И просыпается природа –
Но застилает тьма глаза
Богохранимого народа.

Но рано подводить итог
И чувствовать героев битвы,
Покуда милосердный Бог
Оставил время для молитвы.

РОЖДЕСТВО

В церкви тихо. За окнами синими
Хлопья снега, неспешно летящего,
В серебристо-берёзовом инее
Очертания города спящего.

Снегири, как шары новогодние,
Украшают столетние ели,
И сомненья тревожат – сегодня ли
Вдруг отступятся злые метели,

И рассеется темень вселенская,
И застынет, притихнув, природа,
И зажётся звезда Вифлеемская,
Озарив полумрак небосвода.

Живу предвкушением чуда,
Застыв у беды на краю.
А рядом – заклятый Иуда
Готовит измену свою.

Не строит улыбчивой рожи,
Не прячет козлиную статью,
И думает – как подороже
Остатки державы продать.

Пусть будет прозрение поздним,
Пусть будет печальным итог,
Останутся небо и звёзды,
Останутся солнце и Бог.

Да вечное русское поле,
Где ветер гуляет на воле.

Такая вьюга, что беда
На белом свете.
Гудят натужно провода,
Луна не светит.

Ни звёзд, ни фонарей в ночи –
Во тьме округа,
Ни даже дыма из печи –
Лишь только вьюга.

Дома закрылись на засов
В кромешном мраке.
Людских не слышно голосов,
Молчат собаки.

И, кажется, ещё чуть-чуть –
И без подмоги
Не отыскать привычный путь
Родной дороги.

Куда-то город вдруг исчез
В одно мгновенье,
И тянет полуночный бес
В свои владенья.

Гуляет нынче непогодь
По всей планете...
Да не оставит нас Господь
В минуты эти...

Традиции. Вера. Устои.
А нам говорили – пустое...
А нас уверяли – прогресс...
А нынче – усталые лица,
В телевизионных глазницах
Ликует полуденный бес.

Не чувствуя боли утраты,
Живём ожиданьем расплаты
В дыму погребальном конца.
Приветствуем вора и хама,
А возле воскресного храма
Не встретишь родного лица.

Но всё же не кончена битва,
Ведь где-то вершится молитва,
А стало быть, Русь устоит,
Покуда трепещет сердечко,
Покуда мальчишка со свечкой
У скорбной иконы стоит.

Молюсь ежедневно, но всё же
Даётся молитва с трудом.
Козлиные наглые рожи
Заполнят пустующий дом.
Под гул незнакомых наречий,
Под шум дребезжащих копыт
Как трудно душе человеческой
На небо прорваться сквозь быт.
Но верю, что Божие Слово
Проникнет в глубины души,
Поэтому снова и снова
Шепчу в безответной тиши...
Читаю – и не понимаю,
Читаю – как будто стреляю!
Слова разлетелись, как пули,
И головы бесы пригнули.

ПАМЯТЬ

Хорошо бы собрать воедино
Все минувшие дни и года,
Чтоб воссозданной жизни картина
Под рукой находилась всегда.

Чтобы давних событий цепочка
Не исчезла в безмолвной глуши,
Чтобы каждая фраза и строчка
Сохранились в архивах души.

Но, прошедшее твёрдо храня,
Не потратим ли время напрасно,
На события грядущего дня
Обращая свой взор безучастно.

Только память – не склад, не музей,
Чтобы там в алфавитном порядке
Уместить и врагов, и друзей,
И стихи в чёрно-белой тетрадке.

И очнись – а не ты ли уже
Над своим же корпишь некрологом?
Доверяй не уму – а душе,
Ей держать-то ответ перед Богом.

Всё, что нужно, душа сохранит –
И любовь, и ненастные дни.

В полнеба – снега кутерьма
Вчера. И вдруг – дожди.
Вот и ещё одна зима
Осталась позади.

Но снежной хмари хоровод
Не устаёт кружить.
Подумалось – на целый год
Осталось меньше жить.

Покров печали ледяной
Растает не спеша,
И пусть ещё одной весной
Согреется душа.

Февраль снаружи и внутри,
И ночь – черным-черна,
Едва мерцают фонари,
И звёзды. И луна.

Я ощущаю новый век
С тревогой неземной,
И вперемешку – дождь и снег
Овладевают мной.

Февраль снаружи и внутри,
Луны тревожный лик,
Но где-то отблески зари
Почудились на миг.

Светлеет облаков окрас,
Уже редееет мгла,
И дай-то Бог, чтоб мне сейчас
Молитва помогла.

Исчерпан февраль без остатка
До самых последних снегов,
Слабеет привычная хватка
Звонящих морозных оков.

Лишь солнце пригреет – синицы
Поднимут неистовый гам,
И отблеск лучей заискрится,
Скользя по лиловым снегам...

Но это – лишь завтра. А ныне –
Промёрзшие клочья небес.
И стонет под ветром и стынет
Не к сроку разбуженный лес.

Когда всё валится из рук,
Когда душа скорбит в тревоге,
Тогда мы как-то сразу, вдруг
Задумываемся о Боге.

И, безнадежно одинок,
Застынешь пред вратами ада.
И веришь, что лишь только Бог –
Твоя надежда и отрада.

Но лишь минует срок – опять
Во власти суеты и пьянства...
Не расплескать бы благодать,
Не впасть бы снова в окаянство.

Пока душа еще жива,
Спеши, спеши под своды храма
И благодарности слова
Не забывай твердить упрямо.

Настало лето. Реки разлились.
Везде вода – от края и до края.
Пронзают чайки голубую высь,
Шумит листва – такая молодая.

Какая красота, какой простор –
Всё слажено и сложено в природе.
Стихает бесполезный разговор
О правде, о свободе, о народе...

Впадает в небо синяя река,
Шуршит остроконечная осока,
Весь мир един – от каждого листка
До облака, парящего высоко...

А вот – болота брошенных полей,
Чернеющие избы и сараи,
Унылые остовы кораблей,
На берегу – ржавеющие сваи.

Во всём – унынье, боль и нищета.
Сюда уже не ходят звери в гости.
И покосилась церковь – без креста,
И без крестов могилы на погосте...

Зачем, куда бредём из века в век,
То дураков кляня, то бездорожье?..
Как тленно всё, что создал человек,
Забыв о том, что он – творенье Божье.

КОЛЬЧУГА

Дрожит свечи неровной пламя,
Душа скорбит, светлеет грусть,
Когда я в опустевшем храме
О Родине своей молюсь.

Шумят неистовые битвы,
И с воем рать идёт на рать,
А мне б слова своей молитвы
Кольчугой прочною связать...

Рассеян ум. Бессилен разум.
И только трудится душа:
Слова простые раз за разом
Нанизывая не спеша.

Чуть слышно шепчутся старушки,
И гул эпох – издалека...
Ох, коротка моя кольчужка,
Ох, как кольчужка коротка...

МОЖЖЕВЕЛОВАЯ РОЩА

Всё же не выходит жить попроще,
Но на день – отрину бытиё.
Здравствуй, можжевеловая роща,
Светлое пристанище моё.
Высоки над Ладогой закаты,

Чайки полыхают на лету,
И стоят деревья, как солдаты,
Охраняя эту красоту.

Птицы беспокойные умолкли,
Я иду легко, травы не мну,
Глажу изумрудные иголки
И боюсь нарушить тишину.
Вечер, как дождём, промыт, прозрачен,
Профильтрован он сквозь изумруд,
Но смотрю – под будущие дачи
Колышки забиты там и тут.

Завтра здесь нагромоздят заборы,
Вот уже проведена межа,
Делят Богом данные просторы,
Режут мою рощу без ножа.
Дом воткнут. Насадят огороды,
Сотворят казарменный уют,
И творенье дивное природы
За полгода насмерть изведут.

И погаснут над рекой закаты,
И охватит мир глухая мгла,
И согнутся стройные солдаты,
Проржавев, осыплется игла...
Красота спасёт – чего уж проще,
Но молю, чтоб милосердный Бог
Эту можжевеловую рощу
От людей безумных уберёт.

Вострубят ангелы – пора.
И никуда уже не деться.
Как будто кто-то со двора
Тебя домой зовёт – как в детстве.

Как будто ветер прокричал
Перед последнею разлукой,
Но в прошлом всё – вокзал, причал
И счастье вперемешку с мукой.

И полетит душа, легка,
Туда, где обитают души,
За грозовые облака,
Вослед за лайнером воздушным.

Растает боль, исчезнет страх
И груз земного притяженья,
Ослепит солнце в небесах,
Но ты останови мгновенье.

И на секунду оглянись –
Быть может, это всё приснилось:
И это небо, эта высь
Как бы нечаянная милость.

Земные дни во мгле верша,
О небе думает душа.

часть IV

**УТРЕННИЙ
АНГЕЛ**

Промозглый питерский февраль:
Плывёт в ночи луны фонарь,
То снег, то дождь. И непонятно,
Что на дворе. Шумит невнятно
Промозглый, мутный ветерок.
Всю жизнь привыкли между строк
Читать и думать сообразно,
И дни летят однообразно
В туманном мареве огней
И в царстве сумрачном теней.
Постичь пытаемся итоги...
Метель кружится. И дороги
Покрыла слякотная грязь,
И, олицетворяя связь
Меж небом и землею, – плавно
Летит на землю снег исправно
И тает в лужах. Тишина
В пустынном мире. И луна
Плывёт над частоколом крыш.

Давно не пахнет русским духом –
Проветрено насквозь.
Но будь уверен – где-то ухнет
Могучее «Авось»,
Взовьются зорние метели
В рождественской ночи,
И обезумевший Емеля
Промчится на печи:
– Ужо мне попадётся, суки! –
А сук и след простыл..
Совсем не то, видать, у щуки
Сердешный попросил.

УТРЕННИЙ АНГЕЛ

Уснувший город чутко спит,
На улицах темно.
Под утро ангел прилетит
И постучит в окно.

Я створки настежь распахну,
Впущу его домой
И воздух утренний вдохну –
Ну здравствуй, ангел мой.

Струится утренняя мгла,
На крыльях тает снег.
Он спросит тихо – как дела?
Совсем как человек.

Я промолчу в ответ ему,
Известно всё и так.
Моих желаний кутерьму
Поглотит снежный мрак.

Во мгле мерцающим перстом,
Коснувшись лба и плеч,
Он осенит меня крестом,
Чтобы от бед сберечь.

Разгонят ранние ветра
По небу облака,
Ему пора и мне пора,
Дорога далека.

Кому – в небесные края,
Кому – в земную тьму...
И буду долго-долго я
Смотреть во след ему...

ПОЕЗДКА

Забывшие привычки
Припомнить я хочу,
На старой электричке
В деревню полечу.

Вхожу в мой поезд дачный,
Сметаю с лавки сор,
Вдыхаю дым табачный,
Вникаю в разговор.

И ранний день весенний
Приветствует меня.
За окнами – сирени,
За окнами – поля.

Промчится поезд встречный,
Листва замрёт шурша,
На станции конечной
Сойду я, не спеша.

И выведет тропинка
Меня к лесной реке,
И дрогнет паутинка
На тёплом ветерке.

Текут речные воды
Неведомо куда,
Бессмертие природы
Пугает иногда.

Омою влагой руки,
Неслышно помолюсь,
Ни смерти, ни разлуки
Сегодня не боюсь.

Пусть наша жизнь конечна,
Но долгий путь верна.
Я верю – будет вечна
Бессмертная душа.

Густеет мрак вселенский,
Но синь слепит глаза,
Над храмом деревенским
Отверсты небеса.

Стрижи летают низко
Над тихою водой,
И слышно – где-то близко
Грохочет поезд мой.

В пути настигнет вечер,
Качает мой вагон,
Огни летят навстречу,
Дорога, лес, перрон...

Пусть смертью и могилой
Грозит земной итог,
Продли мне дни и силы,
Господь, ещё чуток, –

Чтоб помнил я, счастливый,
Вновь обретя покой,
О чём шептали ивы
Над утренней рекой.

И так уж немало отмерил Господь –
С лихвой одарил белобрысую водь.
Ну может, ещё и добавит чуть-чуть,
Порадуя голубоглазую чудь, –
Бескрайнего озера зыбкую гладь,
Соснового леса зелёную статью,
Да синь бесконечных прозрачных небес,
Где в облаке сокол парящий исчез.
Смотри в ослепительно-белую высь
И радуйся жизни,
И Богу молись.

Из человека жизнь уходит,
А он, сердешный, мельтеша,
Ещё по жизни колобродит,
Не чуя, как скорбит душа.

Ещё он женщин ловит взоры,
Ещё он весел, жив, здоров,
Ещё не знает приговора
Уже бессильных докторов.

Ещё он сам – сама беспечность,
Ещё не ведом смерти страх,
Но вот уже застыла вечность
В его тускнеющих глазах.

И он ещё не понимает
В своей избушке лубяной,
Что постепенно убывает,
Что завершает путь земной.

Друзей в застольях угощая,
Смеётся – всё пройдет – и пусть,
Но с удивленьем ощущает
Ещё неведомую грусть.

И зрелищ требует, и хлеба,
Но, путь земной с трудом верша,
Уже готовится на небо
Его мятежная душа.

Куда ни бросишь взор – равнина.
Равнина – здесь. Равнина – там.
Реки крылатая стремнина
Скользит по заливным лугам.
В туманной дымке тают дали,
Алеет сумрачный рассвет.
Здесь что-то новое едва ли
Произошло за много лет.
И век идёт на смену веку,
На смену счастью – беда,
Но невозможно человеку
С природой слиться навсегда.

Такие нынче холода
Стоят в России, что беда...
Промёрзло озеро до дна,
Промёрзли солнце и луна,
Насквозь промёрзли небеса,
Окоченевшие леса
Не ждут пришествия весны,
Застыли помыслы и сны,
Тускнеет в окнах жёлтый свет,
И жизнь вот-вот сойдёт на нет...
И капли жёлтого тепла
Морозная поглотит мгла,
Но в глубине души моей
Тепло последних летних дней,
Мерцанье тёплое свечи,
Листва, шумящая в ночи.
Туман. Уснувшая река.
В моей руке – твоя рука...
Отгаивает не спеша
Заиндевшая душа...

ГЛУБИНКА

Глубинка – это не столица,
Глубинка – это глубина.
Беднее быт. Светлее лица,
Но ярче – солнце и луна.

Шумит листва. Щебечут птицы,
И тает на песке волна.
Как оглушительны столицы,
Как неизбежна тишина.

Столичной жизни ахи, охи
Смешны, когда ты зришь в глуши
И глубь реки, и глубь эпохи,
И глубину своей души.

Глубинка дремлет. Спят столицы.
Струится в небе дым печной.
Молчит листва. Уснули птицы.
Растаял след волны речной.

Пока победно шествует эпоха,
Не лучше ли спокойно жить в глуши?
Под маскою шута и скомороха
Скрывать порывы скорбные души.

И будь во всём наивен и беспечен,
Пусть думают, что жизнь твоя легка.
Ведь никого не напугают речи
Придворного шута и дурака...

Когда ж грядут внезапно перемены,
Услышатся иные голоса.
Участников немой финальной сцены
Определят по списку небеса.

Метель утрат восторг души остудит,
Застынет в реках чёрная вода,
Но всё-таки Господь весёлых любит,
А верных – не оставит никогда!

И пусть кружат во мгле миры и меры,
В крошечном мраке исчезает путь,
Держись поближе православной веры,
А там Господь подхватит как-нибудь...

Качается солнце на ветке,
Плывёт, тяжелея, жара,
Стучится в москитные сетки
Назойливая мошкара;

И так хорошо и покойно
Под сенью сосновых ветвей,
Что кажется – бури и войны
Исчезли с планеты моей.

Июльское царство покоя,
В цветенье – поля и сады,
Но только откуда такое
Предчувствие скорой беды?

И что так внезапно встревожит –
Грядущего скорбный итог?
Иль этот случайный прохожий?
И первый осенний листок?

Дни нашей жизни коротки.
А ночи? Ночи бесконечны.
Туман над берегом реки,
А в небе – путь блистает Млечный.

А в небе – полная луна.
Молчит листва. Собака дремлет.
Покой вокруг. И тишина
Насквозь пронизывает землю.

Склонюсь к воде – волна легка.
Звезда в руках засеребрится,
И жизнь, как лунная река,
Сквозь пальцы медленно струится.

Встрепенёт притихнувшую душу
Тот мотив, знакомый и простой:
Выходила на берег Катюша,
На высокий на берег крутой...

Ох же и хлебнули мы отравы,
Закружилась круто голова,
Изменились времена и нравы,
Потускнели чувства и слова.

Нам привозят яблоки и груши
Из-за океанской стороны,
А голубоглазые Катюши
Нынче по Европе – в полцены.

Можно жизни радоваться. Можно.
Нефть и водка – полною рекой...
Только зазвонит душа тревожно
Неизбывной русской тоской.

Мы ещё и сами-то не знаем
Кто нас нынче снова взял в полон.
Вымираем тихо, убываем:
С каждым годом – минус миллион.

Онемеют небеса и реки,
Опадёт осенняя листва,
О последнем русском человеке
Повторя скорбные слова.

И никто не будет больше слушать,
Как порой прекрасной, золотой
Выходила на берег Катюша,
На высокий берег на крутой.

Державою были великой,
А нынче – плывём налегке..
А нынче – лишь лунные блики
На тусклой, осенней реке..

Всё реже гудят пароходы,
Давно облетели сады,
И скоро тяжёлые воды
Скуют беспросветные льды.

Забудутся судьбы и лица,
Смешаются дни и года,
Но будет неслышно струиться
Под спудом речная вода.

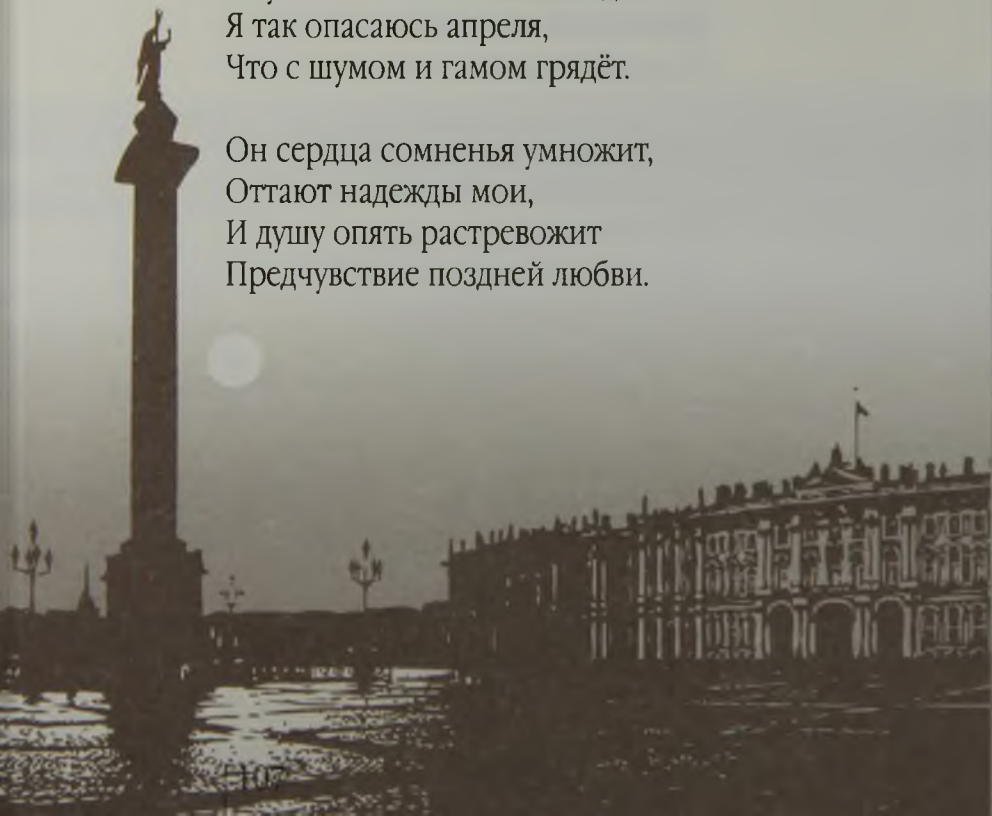

Январь. Середина недели.
Стою посредине зимы.
Здесь властвуют злые метели,
Здесь – царство заснеженной тьмы.

Пускай беспросветно пространство,
Пусть тускло мерцает луна,
Я нынче ценю постоянство
Полярного долгого сна...

Январь. Середина недели.
Окутанный мглой небосвод,
Я так опасаюсь апреля,
Что с шумом и гамом грядёт.

Он сердца сомненья умножит,
Оттают надежды мои,
И душу опять растревожит
Предчувствие поздней любви.

Живи сегодня и сейчас,
Как на исходе.
Быть может, твой последний час
Уже проходит.

Не трать минут по пустякам,
Оставь сомненья.
Верши свой труд назло врагам
Без сожаленья.

И пусть забвения трава
Восходит смело,
Душа надеждою жива,
А сердце – делом.

Пусть не соседствует беда
С твоей судьбою,
И да пребудет навсегда
Господь с тобою.

Сентябрьский дождь. Мерцание залива.
Звнящий на ветру сосновый лес.
Лишь только парус вздрогнул сиротливо,
Как тут же в синем мареве исчез.

И мы с тобой притихшие стояли,
И догорала тусклая звезда.
А было ли? А было ли? Едва ли...
А будет ли? – Не будет никогда.

Но всё же вспоминаешь почему-то
Звнящий лес, пустующий причал.
И счастьем называешь те минуты,
Что ранее совсем не замечал.

Весна. А снега – выше крыши!
В морозной дымке небеса.
Но кажется уже, что слышу
Синиц весёлых голоса.

В снегах готические ели
Согнули ветви до земли,
Но будто отзвуки капли
Уже слышались вдали.

И вот со страстью первородной
Река очнётся, лёд круша...
И так легко, и так свободно
Вздохнет усталая душа.

Как будто нынче не морозы
Сковали мартовские дни,
Как будто белые берёзы
Зажгли зелёные огни.

Прощаюсь с морошковым летом,
Встречаю осенние дни.
На том берегу и на этом
В тумане мерцают огни.

Волна мою лодку качает,
И стелется тусклый туман,
Река, не спеша, остывает,
Дорогу верша в океан.

Не рано ли мне, в самом деле,
О прошлом далёком тужить,
Когда ещё будут метели
О скорбной судьбе ворожить?

Отмерено всё у природы,
Ещё далеко до беды,
Когда беспросветные воды
Скуют эти чёрные льды?

Ночных огоньков переключка,
Беззвёздного неба простор,
Погаснет последняя спичка,
Но вспыхнет последний костёр.

КОМАНДИРОВКА

По долгу службы третий день
Болтаюсь на природе,
Я здесь слоняюсь, словно тень,
В саду и в огороде.

Здесь весь июль залит дождём,
Застыла в лужах вечность,
И местный олигарх с вождём
За правду водку хлещут.

Я с ними третьи сутки пью,
Я их речам внимаю,
Я проклиная жизнь свою,
Я их не понимаю.

Гудит от пьянства голова,
Туманятся просторы,
Пустопорожние слова,
Тупые разговоры.

Какая нынче хмарь и мрак,
Совсем пропало лето,
И каждый сам себе дурак
В вопросах и ответах.

Покуда хватало здоровья и сил,
По белому свету взахлёб колесил:
И страны мелькали, и люди,
И верилось – всё ещё будет.
Блистали светила, шумел океан,
И дальние дали полуночных стран
Манили загадочным светом.
Но – хватит. Довольно об этом.

А нынче по жизни иду не спеша,
Вселенским покоем объята душа.
И в царстве осенней природы
Живу ощущеньем свободы.
Не знаю последних мирских новостей,
Не жду ни друзей, ни случайных гостей,
И даже приметы любимой
Растаяли в дымке незримой.

А нынче объяла меня тишина.
Мерцает звезда. И сияет луна,
Небес бесконечных свеченье,
Листвы полуночной движенье.
Ни жизни, ни смерти теперь не боюсь,
Всевышнему тихо и скорбно молюсь.
Прощенья прошу и спасенья.
И верю в своё воскрешенье.

Мы жили с Господом в разлуке,
И скорбный путь во мгле верша –
Была обречена на муки
Окаменелая душа.

Живут, в иные веря сроки,
Своей не ведая судьбы,
Жестоковыйные пророки,
Жестокосердные рабы.

И скудоумные витии
Опять предсказывают путь
Для нашей матушки России –
Куда-нибудь и как-нибудь...

Пусть кружит бес по бездорожью –
Найди свой храм, развей свой страх...
А в каждом храме – Матерь Божья
С младенцем Вечным на руках.

Я искал взаимности у леса,
У полей, мерцающих белесо
В тусклом свете матовой луны,
У реки, спешащей суетливо
К тихой глади сонного залива,
У осенней гулкой тишины...

Но опять вела дорога к дому.
И причастность ко всему другому
Растворялась в молодой крови.
И в который раз меня прощали
Улицы надежды и печали,
Перекрёстки счастья и любви.

Не хотел бы подводить итоги,
Рано на пугающий покой,
Мне судьбою – умереть в дороге,
До звезды дотронувшись рукой.

Всё промчалось – годы, сказки, были,
И костров полночных сизый дым.
Было время – и меня любили,
Да, и я когда-то был любим...

А о том, что не сбылось когда-то,
Не жалею – нет пути назад..
Не грусти – ведь ты не виновата,
Да и я ни в чём не виноват...

Догорают времена и даты
На закате сумрачного дня.
Радостно молюсь и виновато:
Господи! Не оставляй меня!

Пусть в ночи моя истает свечка,
Но очнусь счастливый поутру,
Чуя, как дрожит мое сердечко,
Как душа трепещет на ветру.

Я не уеду никуда –
Останусь дома,
Где светит поздняя звезда,
Где всё знакомо.

Мой край озёрный и речной
Угомонился,
И, остывая, дым печной
С туманом слился.

В деревне каждый дом уснул,
Никто не слышит,
Как дождь ночной слегка плеснул
По чёрным крышам.

Во мгле фундаментальных лип
Мелькнуло платье,
Уключин осторожный скрип,
Слова, объятья...

В сиянье лунном даль видна
Речной излуки,
И шепчет сонная волна
Слова разлуки.

Смотрю на даль осенних вод
На том причале,
Где мой последний пароход
Давно отчалил.

ПОСЛЕДНИЙ ПАРОХОД

Лето на излёте, на исходе,
Жёлтый лист и красный – тут и там,
Еду на последнем пароходе
По давно уже родным местам.

Ярче небо – но темнее воды,
Стал мудрей – не стало легче жить,
Дал Господь здоровья от природы –
Но реки уже не переплыть.

Но какая мне досталась осень!
Я не ощущаю рубежа!
Вьётся флаг на мачте что есть мочи,
И волна кипящая свежа.

Растворились дали за излучкой,
Обретаю царственный покой,
И гудок последний – на разлуку –
Поплывёт над утренней рекой.

Ничего нет вечного в природе,
Пусть зима маячит вдалеке...
Еду на последнем пароходе
По осенней утренней реке.

А вспомнишь –
На память приходят не даты,
А то, что ты видел и слышал когда-то,
И как ни печально – но надо смириться –
Забудутся речи, события, лица...
И памятливы только и будут детали,
Над крышами заиндевелившие дали,
Проспект – без парадного летнего лоска,
Трамваи, машины, толпа у киоска,
Газета с итогами матчей в субботу,
Никто не спешит, не бежит на работу,
Цветы почернели в бетонных вазонах,
Толкутся вороны на белых газонах.
Когда это было – не всё ли равно,
В таком-то столетье, в каком-то кино.
Скамейка, кирпичный некрашенный дом.
И тополь зелёный в снегу голубом.

A black and white photograph of a forest path. The path is in the foreground, leading into a dense forest. There are many trees, some with light-colored bark, and a lot of ferns and other plants on the ground. The lighting is dappled, with sunlight filtering through the trees.

часть V

Я В ЛЕС ВОЙДУ...

В морозном сумраке белёсом
Из дома выйду не спеша.
И в лес войду. И стану лесом.
И успокоится душа.

Смешными кажутся обиды,
Пустопорожними слова,
Быть может, и правы друиды,
Что наши предки – деревья?

Они всю жизнь свою упрямо
Ветвями – прямо в небеса,
А мы лишь изредка – у храма
Поднимем на небо глаза...

Я в лес войду. И стану лесом.
Замру, объятый тишиной,
В рассветном сумраке белёсом
Восходит солнце надо мной.

Когда прибавит обороты
Могучий Дедушка Мороз,
Спасут тебя ли, друг мой, боты
Из магазина «Хьюго Босс»?

По жизни то же: грянут сроки –
Застынут пред лицом судьбы
Немилосердные пророки,
Жестоковыйные рабы.

Когда пойдёт гвоздать эпоха,
Живых и мёртвых не щадя,
На что нам шутки скомороха
Или пророчества вождя?

Сладкоголосые витии
Со свистом сгинут. И темна
Наступит ночь по всей России,
И оглушит нас тишина...

А я – смахну снежок с крылечка.
Как хорошо, что я один,
Как хорошо, что в доме – печка,
А не готический камин.

И что с того, что нету света?
Ярится чайник на плите.
И пусть не та уже планета,
Но баня – та. Соседи – те.

В начале новой перестройки
Я одному лишь только рад,
Что не оставил на помойке
Свой самогонный аппарат.

Затихла напрочь автострада,
Туман морозный над рекой.
Господь устроит всё, как надо,
Чтоб обрела душа покой.

Звезда сверкала над излучкой,
Струилась чёрная вода,
Ещё не знали, что разлука
Не на неделю – навсегда.

Ничто беды не предвещало,
И тихо, сонно – как всегда –
Качала лодку у причала
Ночная сонная вода.

Ещё твоей любовью строгой
Была наполнена душа,
Но непонятная тревога
Одoleвала не спеша.

Струилась в сумраке туманном,
Дрожала в отблесках луны,
Отсвечивая в непрерывных
Порывах сумрачной волны.

Ещё дрожат в объятьях руки,
Но, в унисон стуча, сердца
Живут предчувствием разлуки
И ощущением конца.

Правое дело, левое дело –
Это, признаться, всем надоело.

Это народу совсем не по нраву,
Что значит – левый,
И что значит – правый?

Да и зачем? Своего не успели –
Недолюбили. Недохотели.

И растерялись. И позабыли
Старые песни, вещи были.

Всё перепуталось – лица и даты.
Кто невиновный – кто виноватый?

Ждем, что придумают что-то по-новой,
Это и будет нашей основой.

Едем, не зная, куда же дорога.
Глухи без веры, слепы без Бога.

Верим пустой ворожке и молве...
Так и живём без царя в голове.

У Бога лишних не бывает.
Во все века, во все года
Он ничего не забывает,
Не оставляет никогда.

Не унывай, когда в сомненье
Душа скорбит в ночной тиши.
Молись, сердешный, о спасенье
Своей мятущейся души.

Куда б ни вывела дорога –
На край судьбы или за край,
Везде и всюду славить Бога
Не забывай, не забывай...

Служили вещи человеку,
А человеку вышел срок.
Шагал он бодро в ногу с веком,
Но вдруг устал и занемог.

И вот теперь – один в постели,
А жизнь уходит не спеша.
Уже он дышит еле-еле,
Уже измаялась душа.

Истаяла полоска света,
И погрузился мир во тьму.
Картье, Диоры и Брегеты –
Теперь, скажи, зачем ему?

Нисходит он во мрак метельный
Нагой и тихий – налегке,
И остывает крест нательный
В его немеющей руке...

Стихи не пишутся, а слышатся.
Ещё не рождены слова,
А лишь едва-едва колышется
Под ветром юная листва.

Стихи не пишутся, а чуются, –
Когда ещё не грянул гром,
Лишь только облака кучкуются
В нагом пространстве голубом.

Стихи как будто свыше дарятся
И растворяются в крови,
Когда душа и сердце маются
Немым предчувствием любви.

Тают берега
В мареве тоски.
Белые снега,
Жёлтые пески.

Счастье ли беда –
Спутались следы.
Чёрная вода,
Голубые льды.

Радость и любовь –
Всё прошло зазря.
Охладили кровь
Ветры ноября.

Глуше боль потерь.
От беды устав,
Жду, когда теперь
Встанет ледостав.

И куда потом
Ты ни бросишь взгляд –
Снег лежит кругом,
Кружит снегопад.

Сколько дел наворотили,
Но сложилось всё вполне:
Несоhlasные – в могиле,
Недовольные – в тюрьме.

И не будьте к людям строги,
Дни беспечны и легки,
Обновляются дороги
И при деле дураки.

Это кто там нынче плачет?
Счастье рядом – тут и там.
Нас преследует удача,
Прямо скажем, – по пятам.

Пусть бесстрастный ум и тело
Делят счастье не спеша,
Но совсем другое дело –
Беспокойная душа.

У неё – своя дорога,
Что ей наше бытие?
Ведь известно: кроме Бога
Нет начальства у неё.

Не моли о лучшей доле,
Даст Господь всего сполна.
Дует ветер в чистом поле,
Тускло светится луна.

Мёртвых душ становится всё больше,
А живых – не встретишь ни души...
Чтобы стать счастливым, жить подольше,
Надо скрыться где-нибудь в глуши.

И забыть, что кем-то был когда-то,
Повернуть судьбу и время вспять,
Перепутать времена и даты
И картошку по весне сажать.

И не знать ни радости, ни горя,
Слушать птиц, общаться со зверьём...
Ну а то, что далеко до моря,
Это как-нибудь переживём.

Цветы цветут, не ведая о том,
Чей этот дом –
Убийцы или палача,
Учителя или врача.
И всё равно им – кто им рад,
И чей они ласкают взгляд.
Святая миссия у них –
Цвести и радовать других...
А в чём хозяин виноват –
На небесах определяют.

*Господь не выдаст,
Свинья не съест.*

(Пословица)

Не все предатели, но все же –
Измена здесь, измена тут.
И всё к тому идет, похоже, –
Совсем державу изведут.

И где вы, люди, человеки?
В последний бой – вперед – ура!..
Господь не выдаст нас вовеки,
Но обуздать свинью – пора.

Дни становятся короче.
Дождик. Сумрак. Дым печной.
И остатки белой ночи
Растворит туман ночной.

Потемнеют разом воды
У стремительной реки.
У людей и у природы –
Час разлуки, миг тоски.

Миг, когда теплом согрета
Ощущает скорбь душа,
Провожая в вечность лето,
Остывает не спеша.

Уже скорее бы зима,
А то – ни то ни сё.
Развеется ночная мгла.
Снег выпадет – и всё.

И всё как будто в первый раз,
И всё – как чистый лист.
Светлеет облаков окрас,
Чуть слышен гомон птиц.

Погаснет поздняя звезда,
Растает лунный след,
И полетит душа туда,
Куда дороги нет.

Где спят бескрайние поля,
Где индевет высь,
Где вместе – небо и земля
В морозной мгле слились.

Надрыва не надо и фальши.
Закончились светлые дни.
Простили друг друга и дальше
Пошли по дороге одни.

Любовь ли, сомнения, жалость,
Но вспомнится что-то подчас,
Ведь всё-таки что-то осталось,
Вселилось, впечатилось в нас.

Подашь на прощание руку
И взор отведёшь не спеша...
И эту мгновенную муку
Навеки запомнит душа.

Позёмка гонит со двора
Листву заснеженных прощаний.
Зима. Печальная пора
Неисполненья обещаний.
И ты как хочешь назови
Свои сомнения и муки
От несложившейся любви,
От неслучившейся разлуки...
Как много снегу намело,
Мерцают сумрачные дали,
И так легко, и так светло,
Как будто всё ещё в начале...

В тумане предрассветном тают
Немые очертанья крыш.
Мне снится мама молодая,
А я ещё совсем малыш.

А я ещё совсем ребёнок,
С душой, отверстой небесам.
А я ещё – во всём – спросонок,
Хотя уже шагаю сам.

И сколько счастья и света,
Неведомы печаль и страх.
Лечу над голубой планетой
На теплых маминых руках..

Восторг души года остудят,
Дожди размоют краски дня.
И никогда уже не будет
Такого счастья у меня.

Ох, как дрожит моё сердечко,
Едва завиджу я тебя...
За упокой поставлю свечку,
Молитву прошепчу, скорбя.

Привычный холодок под сердцем,
Молитва тает в тишине,
И Богородица с младенцем
С иконы смотрит в душу мне.

А я хочу ходить упрямо.
И мама шепчет мне – иди.
Но как я счастлив, если мама
Меня прижмёт к своей груди.

Что будет завтра – я не знаю,
В туманной дымке жизни край...
Не оставляй меня, родная,
Не отпускай, не отпускай.

Лев Аннинский
В ОЖИДАНИИ РАЗВЯЗКИ

Беда не в дураках и не в дорогах.

Дмитрий Мизгулин

Без карамзинской шуточки сегодня, кажется, не обходится ни один уважающий себя автор. Полвека назад было иначе: за такую шуточку могли и на ковёр вызвать, ибо ковёр был олицетворением дороги в светлое будущее, а если иные дураки этого не понимали, то пеняли на себя. Теперь всё можно, так что дураки по дорогам бодро пошли в ход.

Однако в мизгулинском варианте что-то останавливает вас, скребёт, что ли... ну, конечно: дважды повторенное отрицание «НЕ».

Да и с чего бы ему утверждаться? Какие «дороги» светили ему, родившемуся на краю Северного океана, в Мурманске, откуда если и звали пути, то водные? Да он и учился опять же на краю океана, только другого, – если считать частью океана Финский залив, а то и Маркизову лужу, и помнить, что Питер озаменовал когда-то выход России к океану, не меньше.

Так что уместнее лирическому герою шлёпать по этим трассам плечами пароходными, чем пылить подмётками пешеходными; стартовый пункт тут – не станция с коновязью, а причал, от которого зовёт вдаль «реки крылатая стремнина». Дорогу, завещанную нам знаменитым русским путешественником, у Мизгулина покрывает «слякотная грязь», что до некоторой степени понятно в контексте Ханты-Мансийской округи, где поэт обрел поле деятельности и откуда разнеслась по России его литературная известность: по тайге не побегаешь, приходится брести.

Да и зачем?..

«Зачем, куда бредём из века в век, то дураков кляня, то бездорожье?»

С дураками у Мизгулина не легче, вернее не проще, чем с дорогами: разум на Руси либо спит, либо испуган, и это навсегда. А если куда-то тянет этот рак, то не туда, куда лебедь (душа) и щука (воля). Так что доверять надо не разуму, а душе. И это просто, как просты матюги избирателей, дерущихся у пивного павильона в праздник выборов, или глубокомысленности олигарха и вождя, хлещущих водку и режущих правду-матку: в этой беседе каждый сам себе дурак.

Интереснее и сложнее амплуа дурака в глубинах народного сознания, откуда и извлекает Мизгулин следующий замечательный сюжет:

*Взовьются зоркие метели
В рождественской ночи,
И обезумевший Емеля
Промчится на печи:
– Ужо мне попадетесь, суки! –
А сук и след простыл...
Совсем не то, видать, у щуки
Сердешный попросил.*

Вот было бы просто, если б суки оставались на месте... как, видимо, и печь.

Интересно, что Мизгулин вовсе не пересказывает нам сказку с мыслью научить (или отучить) жить по щучьему веленью; сказка лишь поблёскивает в контексте стиха, и это уже рука мастера: выросший в мареве легенд и лозунгов лирический герой остаётся в этом мареве навсегда, но вспоминает без всякого благоговенья, а так, что не сразу сообразишь, как... Впрочем, сообразишь, если вырос в том же тумане:

«Хватало и зрелищ, и хлеба, и счастье – полной рекой. Всё было прекрасно – до неба уже доставали рукой...»

Узнали вопль древнеримской толпы? А что этот вопль переброшен в одну, отдельно взятую штурмовавшую небо страну, – уловили?

Вот салют ещё одному герою, пробуждающемуся в нашей памяти:

«Куда бы жизнь нас дальше ни вела, доказываем те же теоремы – кого-то ждут великие дела, а остальных – великие проблемы...»

Сен-Симону такие проблемы не снились?

Сейчас будет ещё один подхват:

«Ну, чем не угодил нам отчий дом? Но вновь простые истины отринув, до основания рушим. А потом – закончим жизнь в дымящихся руинах».

А затем?..

Ещё один пробуждающий память мотив: «Песня о Встречном»:

«Мы снова счастливыми стали, а жизнь и светла, и легка, и манит нас в светлые дали призывное пенье гудка».

Нас? В светлые дали? И горячего хватит? И дорога видна?

Капля тонкого яда добавлена в двигатель: гудит призывно и тревожно «Тойоты» пламенный мотор.

И ведь не просто гудит эта нынешняя «Тойота», а царапает слух и душу – вроде бы незаметно, но неотступно, и так, словно за каждым громким «да» таится упрямое «нет».

Это «нет» незаметно кровавит душу:

*Можно жизни радоваться. Можно.
Нефть и водка – полною рекой...
Только зазвенит душа тревожно
Неизбывной русскою тоской.
Онемеют небеса и реки,
Опадёт осенняя листва,
О последнем русском человеке
Повторяя скорбные слова.
И никто не будет больше слушать,
Как порой прекрасной, золотой
Выходила на берег Катюша,
На высокий берег на крутой.*

Исаковскому такое тоже бы не привиделось... В ожидании развязки окрашиваются свинцовыми обертонами традиционные светлые мотивы. Надо радоваться весне? В принципе – надо: яблони, груши... Да вот только согреется ли заиндевшая душа после долгого полярного сна? Или, не очнувшись, проспит весну?

Может, летом отогреется?

«Только после весёлого лета неизбежно придёт непогодь».

В лирическом пейзаже Мизгулина естественна именно непогодь. Стих звенит на студёном ветру. На причале – мороза стальная печать. Ветер, мрак, слёзы. Тьма заснеженных полей. Промёрзшие клочья небес. Воды, скованные чёрными льдами. «Какая там оттепель!» – думает дитя исторической «Оттепели»:

«Уже скорее бы зима. А то – ни то ни сё. Развеется ночная мгла, снег выпадет – и всё. И всё – как будто в первый раз. И всё – как чистый лист. Светлеет облаков окрас, чуть слышен гомон птиц, погаснет поздняя звезда, растает лунный след, и полетит душа туда, куда дороги нет».

Всё это вполне укладывается в таёжно-бездорожный пейзаж, из которого закалённый стих не ищет выхода. Но потаённое «нет» звучит и из-под этого вечного пейзажа, в котором легче прожить на русское «авось» или пересидеть на печи с Емелей. Да вы вслушайтесь:

*Избы. Церковь без креста.
Ожиданье зимней стужи,
Голь да удаль. Нищета,
Всё как прежде – даже хуже.*

Почему хуже?! У вечности разве бывает лучше или хуже?

А если бывает? Не звучит ли в этом «хуже» потаённое «лучше», в которое душа отважилась было поверить, да не обманулась ли?

Тут уж мизгулинскую лирику я склонен вывести не из северных широт и океанических долгот, а из координат доставшейся ему эпохи. То есть из судьбы его поколения. Как-никак, а стукнуло этим детям позднего социализма уже лет по пятьдесят – самое время обернуться.

Он родился в исторический момент, когда диктатора-генералиссимуса решились наконец вынести ногами вперёд из мавзолея и предать земле. Тоталитарная эпоха кончилась, наступила очередная «Оттепель» (вторая, как подсчитали историки). Пришло время «шестидесятников».

Это время кончилось с разгромом Пражской Весны, но по малости лет дети второй «Оттепели» (Весны) этого конца не заметили, как не заметили, наверное, и самой «Оттепели». К размышлениям о ней они подросли уже в 70-е годы, когда ослабевший режим предоставил им возможность то ли салютовать столетию Ильича, то ли рассказывать про него анекдоты. Десять лет качалась страна, выбирая дорогу, но наступили «лихие 90-е», и именно к их началу, то есть к краху одряхлевшей системы, поспело мизгулинское поколение, перед которым умники Перестройки распахнули новые неслыханные пути.

Мизгулину довелось пережить и описать этот перелом. Он, можно сказать, на нём вырос как поэт и гражданин.

«Перестройка. Перековка. Как бы переподготовка к лучшей жизни или на... Думали, что передышка, а на самом деле – крышка, амба. Кончилась страна».

Кончилась. Нет той страны, что была. Есть иная. Какая? Говорим одно, думаем другое, а больше помалкиваем. Слушаем речи мудрых вождей, свист набежавших колдунов, дебаты столичных дебилов, советы слепых поводырей, предсказания глухонемых пророков...

А мы что?

А «нам на это наплевать. Выьем водки – и в кровать. Будем спать. И видеть сны о Величии страны...»

Комментировать эту публицистику? Я не испытываю желания. Потому что в этом духе пишут сейчас все публицисты так называемого «правового» лагеря. Имеют право. И резоны имеют. И яркие тексты выдают. И в поэтической публицистике Мизгулина есть сильные строки, подкупающие откровенностью, поражающие эмоциональной точностью.

Приведу пример.

«Весь век в лакейской у Европы, понуря голову, стоим. Но нынче, видно, и в холопы навряд ли с ходу угодим. Там пошустрей народец, южный, порасторопней, понаглей. А нам заказан труд натужный во тьме заснеженных полей.

Опять не взяли. Слава Богу! Давай, голубчик, запрягай, и вновь проверенной дорогой спешి обратно в русский рай, где душу продувает ветер, где мрак и слезы без конца, в дом, где молитву шепчут дети за возвращение отца».

Рискну сказать, что в первых двух четверостишиях подкупает откровенность, но стихи безупречны (слово «заказан» невнятно: то ли труд «запретен», то ли «заповедан»). А вот молитва детей – взлёт поэтической силы: здесь чувствуется и общий порыв (извините и мне невнятное слово, «порыв» – это ещё и место, где рвётся). Вечно пропадающее отцы – это откровение поэзии. И откровение нашей истории.

Так я о той стране, что возникает у Мизгулина на месте рухнувшей сверхдержавы. Разве такое мыслилось при повороте к свободе, к рынку, к удаче предпринимательства? Что в итоге? Элитные дома. Колышки для будущих дворцов-коттеджей на святых землях. Иномарки торгашей. Сигары, коньяки, запах успеха. Мизгулин метит без промаха в эти приметы торгашеского века.

Тогда я спрашиваю: а что тогда занесло его учиться в Финансово-экономический институт?

Отвечаю: драма личного выбора, которая даёт поэзии неизмеримо больше, чем поворот «всё вдруг», хорошо известный мореходам и вождем масс. Занесло, видать, общим поветрием, когда новое поколение ринулось вкладывать силы в новые возможности.

Пока послевоенные сироты сводили счёты с Державой, от её призывов прячась в сторожа и дворники и пиная власть из бойлерных, – их меньшие братья, которым ранее предлагалось стать космонавтами, теперь переквалифицировались в финансисты.

И мнилось, что это новое поколение вытянет страну из полураспада, обновит её облик и войдёт в новый век под знамёнами частной соб-

ственности, буржуазной добропорядочности и логики конкурентного успеха (падающего толкни).

Но что-то не получается. Не выдерживает наш человек этой безжалостной установки. Откуда я это знаю? Да из Мизгулина. Не вытанцовываются у поколения «вкладчиков» эти танцы. Ожидание расплаты мешает.

Хотя Мизгулин осторожен в предсказаниях. Врезал мифическим мудрым вождям, а в другом месте заметил, что миром правит не «мифическая власть», а хаос. Может, это и полегче. По-человечески.

А выход из хаоса – возможен? Непонятно. Ибо быть и небыть неразличимы.

Может, Господь-Бог поможет? В стране обезглавленных церковью всё может быть. Бог нам участь определил – Бог и выручит. Он нас не оставит. Надо верить – душа и отогреется. Надо выучить молитвы – небыль станет былью. Надо чтить обряд – смысл откроется. Господь терпелив.

Вообще-то главный, всеразрешающий образ поэзии Мизгулина – душа. Но и для Бога место сбережено в хаосе:

*И пусть кружат во мгле миры и меры,
В кремешном мраке исчезает путь,
Держись поближе православной веры,
А там Господь подхватит как-нибудь...*

А если не подхватит? А если в самом человечестве, независимо от Бога, таится обречённость? В силу естественных причин. В силу природной дикости, звериной сущности. Или если – ещё хуже – эта природная сущность подменяется не поймёшь чем. Природа до поры до времени молчит – «равнодушная природа». Но уже подустала она, природа, от людей, населяющих мир. Что будет дальше?

«Может, в эту последнюю осень хочет мирно планета пожить, человечество – если не сбросить, то хотя б на обочину смыть».

Перспектива, вполне укладывающаяся в естественно-научные прогнозы безбожного века. Видать, советская власть не просто отменила в школах Закон Божий, но дала вместо него ученикам такой заряд общегуманистического законознания, который вполне обходится без Благодати.

Мизгулин в этих леденящих эмпиреях не удерживается, он возвращается к Божьему Лику. К родному месту на этой планете. То есть к России, по которой болит душа.

Душа – вмещающая и молитву, и обряд, и память, и ожидание расплаты за беспамятство, и грехи, и каянья...

Кто виноват?

Ну, мы видели: охмурители, набегающие то с парада, то с заднего хода.

Да ведь они и сбегают первыми – эти «суки», как сказал бы печеход Емеля, эти «крысы», как сказал бы мореход.

Мореход сказал:

«Давно сбежали крысы, а мы ещё плывём».

Кто «мы»? – вот вопрос. Без сук, без крыс, без незваных поводырей – не мы ли сидим на печи и ждём щучьего веленья, не мы ли плывём с мозгами, набитыми привозной трухой?

«Мы обрели космическую славу, узрели Марс. слетали на Луну. Но начисто забыли про державу, осиротели, потеряв страну...»

У нас в мозгах – то карнавал, то – саммит, не ведаем – где друг, где лютый враг... Пусть виноват весь мир. Но мы-то сами, но мы-то с вами – люди или как?»

Карнавалы и саммиты оставим господам, у которых в зубах сигары и в мозгах коньяк, но мы-то с вами, мы, люди – чего стоим, чего достойны?

Вот тут-то и подстерегает лирического героя самый проклятый русский вопрос: о блаженном нашем предательстве.

Ни у кого в новой русской поэзии я не ощущал такой остроты в переживании этой темы.

«Одолели ироды, иуды».

Готовность вывернуться наизнанку подстерегает всеотзывчивую русскую душу, не стиснутую ни внешними, ни внутренними границами, братающуюся со всем миром и уверенную, что именно этого ждёт от неё весь мир. Непредсказуемость – естественное состояние мира. Непредсказуемость – наш излюбленный козырь. Ветры перемен опустошают небосвод. Готовность к перемене фронта очищает совесть и опустошает душу.

«Не все предатели – но всё же; измена здесь, измена тут...»

Лейтмотив! То ли тебе дно, то ли покрывка. То ли пан, то ли пропал. То ли своё, то ли чужое. То ли мы спёрли, то ли у нас спёрли. То ли бытие, то ли небытие. То ли чудо, то ли беда.

«Живу предвкушением чуда, застыв у беды на краю. А рядом – заклятый Иуда готовит измену свою».

Какой развязкой может кончиться такое пребывание на грани? Возмездием. Окончательным и бесповоротным? Нет, горше: нескончаемым ожиданием возмездия. Или – возмездий, от которых не уйти. Предчувствием беды. Или бед, которым не будет конца.

Вот от этого «слёзно голосит» душа, без упоминания которой нет, кажется, у Мизгулина ни одного стихотворения. То жмётся душа... где? – в тесной и тихой квартире, то ищет дорогу... где? – в непролазной тайге. То зовёт Бога, то каменеет, разлучённая с Богом. И замирает в ожидании развязки.

*Живут, в иные веря сроки,
Своей не ведая судьбы,
Жестоковыйные пророки,
Жестокосердные рабы.
И скудоумные витии
Опять предсказывают путь
Для нашей матушки России –
Куда-нибудь и как-нибудь...
Пусть кружит бес по бездорожью –
Найди свой храм, развея свой страх...
А в каждом храме – Матерь Божья
С младенцем Вечным на руках.*

Завершается картина страны и мира. Сейчас появится у Мизгулина рядом со словом «душа» ещё одно всеразрешающее слово:

«Сердечко».

Горит сердечко у младенца, горит сердечко у мальчика, который стоит со свечкой у скорбной иконы. Пылает сердечко, болит, зовёт.

Поколение, прошедшее искус братоубийственной конкуренции, ищет, кому передать страну. И верит, что расплата уже состоялась – по их счёту. И надеется, что образуются в будущем родные народу лукавые дураки и обозначатся нужные отечеству вмятые дороги.

Дмитрий Мизгулин

Родился 10 сентября 1961 года в городе Мурманске. Окончил Ленинградский финансово-экономический институт имени Н. Вознесенского в 1984 году и Литературный институт им. А. Горького в 1993 году.

Член союза писателей России. Печатался в журналах «Звезда», «Юность», «Литературный Азербайджан», «Молодая гвардия», «Наш современник», еженедельниках «Литературная Россия», «Литературная газета» и пр.

Автор многочисленных сборников стихов, среди которых «Петербургская вьюга» (1992), «Зимняя дорога» (1995), «Скорбный слух» (2002), «Две реки» (2004).

Отдельными изданиями вышли книги на французском, чешском и украинском языках.

Лауреат международных и всероссийских литературных премий. Живет в городе Ханты-Мансийске.

В настоящую книгу вошли стихи, написанные 2003 – 2009г.г.

содержание

СВЕТЛОЕ ПРИСТАНИЩЕ МОЁ...

«Жизнь не просто прошла – пролетела...»	4
Стихи, написанные в день рождения	4
«Стремись постичь мирозданье?...»	6
«Этот вечер не тронут прогрессом...»	7
«В жизни всё идет по плану...»	8
«Смурная вьюга злится...»	8
«Жизнь уходит понемногу...»	10
«Мир ночной погрузился во мрак...»	12
«Похоже, слишком много знаю...»	12
«Критиковать и обличать...»	13
«Хватало и зрелищ, и хлеба...»	14
Птичьи права	16
«Ночь темна. И дождик блёклый...»	17
«Выпил рюмку. Покушал...»	18
«Быт затягивает не спеша...»	19
«Весна. И снова – ледоход...»	20
«Весны долгожданный приход...»	21
«Я весело и ново...»	22
«Растаял туман над излучкой...»	24
«Куда бы жизнь нас дальше ни вела...»	24
«В порыве страсти окаянной...»	25
«Не пряча голову, как страус...»	26
«В потоке мутном бытия...»	27
«Синица, беспечно порхая...»	28
«А зима – неожиданно, вдруг!...»	29
С ярмарки	30
Дожди	32
«Беда не в дураках и не в дорогах...»	34
«Мы стали с тобой далеки...»	34
«Весна. Раскисшие дороги...»	35
«Весна. Смешение погод...»	36
«В эпоху лжи и суеты...»	37
«Реклама...»	38
«Я поздней осенью дышу...»	38
«Пишу, пишу – а толку?...»	40
«Избавленный от мелочных забот...»	41
СЛЫШНО МНЕ ДВИЖЕНИЕ РЕКИ...	
«Мы обрели космическую славу...»	44
«Живём по человеческим законам...»	45
Новый год на даче	46
Выборы	47
«Заветное счастье украли...»	48

«В разногласии племён...»	49
Царская охота	50
«Уверовали в мифы...»	51
Метро	52
Моя удача	53
«Целый месяц водку пил...»	54
«Преображением живёт...»	55
«Перестройка. Перековка...»	56
«Планы партии – планы народа...»	57
Марокканские мотивы	58
«Вагончики. Сарайчики. Балки...»	60
«В царстве срама и хама...»	61
«Живём в виртуальном пространстве...»	62
«Либо навзничь. Либо – вскачь...»	62
«У власти всегда на примете...»	63
«Компьютер пишет музыку, слова...»	64
«Пиши, пиши, писатель...»	65
«Зачем, скажи, нудя и мучась...»	66
«По тем адресам, где когда-то я жил...»	67
И ЗАЖЖЁТСЯ ЗВЕЗДА ВИФЛЕЕМСКАЯ	
«Смирил Господь. Болею...»	70
Бессонница	71
«Как смеялось и пелось...»	72
«Делили хлеб, делили кров...»	73
«Не зарекайся никогда...»	74
«Мы видели чужие сны...»	75
Рождество	76
«Живу предвкушением чуда...»	77
«Такая вьюга, что беда...»	78
«Традиции. Вера. Устои...»	79
«Молюсь ежедневно, но всё же...»	80
Память	81
«В полнеба – снега кутерьма...»	82
«Февраль снаружи и внутри...»	82
«Исчерпан февраль без остатка...»	83
«Когда всё валится из рук...»	84
«Настало лето. Реки разлились...»	85
Кольчуга	86
Можжевельная роца	86
«Вострубят ангелы – пора...»	88
УТРЕННИЙ АНГЕЛ	
«Промозглый питерский февраль...»	92
«Давно не пахнет русским духом...»	93

Утренний ангел	94
Поездка	95
«И так уж немало отмерил Господь...»	98
«Из человека жизнь уходит...»	98
«Куда ни бросишь взор – равнина...»	99
«Такие нынче холода...»	100
Глубинка	101
«Пока победно шествует эпоха...»	102
«Качается солнце на ветке...»	103
«Дни нашей жизни коротки...»	104
«Встрепенёт притихнувшую душу...»	105
«Державою были великой...»	106
«Январь. Середина недели...»	107
«Живи сегодня и сейчас...»	108
«Сентябрьский дождь. Мерцание залива...»	109
«Весна. А снега – выше крыши!...»	110
«Прощаюсь с морошковым летом...»	111
Командировка	112
«Покуда хватало здоровья и сил...»	113
«Мы жили с Господам в разлуке...»	114
«Я искал взаимности у леса...»	115
«Не хотел бы подводить итоги...»	116
«Я не уеду никуда...»	117
Последний пароход	118
«А вспомнишь – на память приходят не даты...»	119
Я В ЛЕС ВОЙДУ	
«В морозном сумраке белёсам...»	122
«Когда прибавит обороты...»	122
«Звезда сверкала над излучкой...»	124
«Правое дело левое дело...»	125
«У Бога лишних не бывает...»	126
«Служили вещи человеку...»	127
«Стихи не пишутся – а слышатся...»	128
«Тают берега...»	129
«Сколько дел наворотили...»	130
«Мёртвых душ становится всё больше...»	131
«Цветы цветут, не ведая о там...»	131
«Не все предатели – но всё же...»	132
«Дни становятся короче...»	133
«Уже скорее бы зима...»	134
«Надрыва не надо и фальши...»	135
«Позёмка гонит со двора...»	135
«В тумане предрассветном тают...»	136

Литературно-художественное издание

*Мизгулин
Дмитрий Александрович*

ненастный день

Лирика

Концепция издания, дизайн, вёрстка, иллюстрации

Андрея Рыбацкого

Корректурa

Анны Лисевич

Мизгулин Д.А. Ненастный день. — Томск: «ГалаПресс», 2011. — 152 с.: ил.

ББК 84

УДК 82

М 584

ISBN 5-901978-21-8

© Концепция, дизайн, иллюстрации GalaPress, 2011

ООО фирма «ГалаПресс»

Россия, 634055,

Томск, пр. Академический, 4

Телефон / факс (3822) 49 10 71

E-mail: kniga@galapress.ru

www.galapress.ru

006362012

Государственная библиотека Югры

